

Наталья Цитронова

**БИСЕКТРИСА —
ЭТО ТАКАЯ
КРЫСА...**

О грустном — смешно и не очень

Наталья Цитронова Биссектриса – это такая крыса...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17804719

ISBN 9785447458492

Аннотация

Первая книга автора – рассказы и эссе о лихих девяностых годах... Написано легко, с юмором, без кровавых и постельных сцен.

Содержание

Пельмени по небу летят	5
Хоть сало уцелело	9
Мишка-Мишка, где твоя сберкнижка?..	11
Вопрос про опорос	13
Эй, неудачники, ликуйте!	16
Без альтернативы	20
О «страусах» и «ножках Буша»	22
А-ля рюс	25
Постскриптум	29
Просто ангел	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Биссектриса – это
такая крыса...**

О грустном – смешно

Наталья Цитронова

© Наталья Цитронова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пельмени по небу летят

Ох уж эти муки творчества! Состояние влюбленности, возвышенности и невесомости. Прислушивание к тому, что рождается в душе. Сладостное предчувствие. И страх... Страх, что все перегорит, перезреет, станет вялым и банальным как переваренная картошка. Лопнет словно мыльный пузырь... Вот почему в один прекрасный момент невероятным усилием воли приказываю заткнуться своим лирическим стенаниям (я же не поэт!), сосредоточиться на грубой прозе и наконец-то выродить такое не романтическое, но теплое, вкусное и родное название

«Пельмени»

Их в нашей семье лепили часто, особенно зимой. Сейчас я, конечно же, понимаю, что это были и не пельмени вовсе в традиционном гастрономическом понятии, а скорее вареники или даже малю-ю-сенькие пирожки из темной ржаной муки. Готовилась начинка: свежая или квашеная капуста, в которую добавлялись грибы. Благодарных белых в окрестных лесах не водилось (если проклевывались, то их сразу же ломали или выкручивали с корнями), но ведь опять и сыроежки, когда кушать хочется, тоже хороши. Грибы замачивали на ночь, меняя несколько раз воду, чтобы горечь

ушла, затем отваривали и острой сечкой, тюк-тюк-тюк, крошили в деревянном корытце.

В комнату выдвигали кухонный стол ярко коричневого цвета. Заранее отвоевывались места, кому где сидеть. Я старалась примоститься на сундуке рядом с печкой, там теплее. В доме было три табуретки, но каким-то чудесным образом места хватало всем. Ах да, вспомнила: на этот случай в сенках хранилась тяжеленная и очень неудобная для сидения доска-горбыль, которую укладывали поверх табуреток. Получалось как в пословице: семеро по лавкам. Мы, как раз семеро (четыре девочки и три мальчика), в нетерпении постукивали по столу ложками. Пельмени ели, макая в уксус или сметану, обжигаясь, наперегонки. Еды на ораву, как правило, не хватало, обходились без добавки. Налопавшись, выбегали на улицу подурачиться. Рыли пещеры, строили крепости, а устав, валились в сугроб, подставляя лица под снежную головокружительную карусель, с тоской напевая «Пельмени, пельмени, пельмени по небу летят...»

Возможно, эта прикольная песенка родилась гораздо позже (впервые то ли в мультике каком-то зазвучала, то ли в шоу Бари Алибасова, а может это – квновский стеб?), но тут же стала своеобразным хитом «всех времен и народов»: «Пельмени, пельмени, пельмени нам в окна глядят!»

Конечно, я знала, что настоящие пельмени совсем другие и пахнут по-особенному. Можно просто дышать их ароматом и будешь сыт. Однажды перед уроками зашла за своей

подружкой, вместе-то веселей в школу идти. Семья завтракала. Я стояла у порожка и уж дышала, дышала!

– Минеевна, почему бы вам с Вениамином поросят не завести? – Удивлялась соседка Пия. – Купили бы парочку, к зиме – и мясо, и сальцо...

– Так нам и этих, двуногих, поросят кормить нечем, – шутливо отвечала мама.

Да, такие вот красивые, просто божественные имена встречались у нас на Урале: Олимпиада (тетя Пия), Ангелина (моя сестренка Геля), Капитолина (соседка Лина), Аграфена (бабка Феня) ... Но самое необычное имя было у моей мамы. Ее звали Матрена Минеевна.

Мужиков звали-величали проще: Гриша, Миша, Федя, Аристарх... Те из них, кто постарше, не брили бороды, не гнали самогон и втихаря молились. А ведь время-то уже какое наступило! Каждый пионер знал, что молиться не хорошо, ведь религия – это опиум для народа. Семенили, шлепали, топали и чапали, иногда весело маршировали, а порой уныло шаркали по планете шестидесятые годы.

Но вернемся к поросят, точнее к причине их отсутствия в нашем конкретном хозяйстве. Дело не только в кормежке. По осени, обычно к ноябрьским праздникам, живность постигала печальная участь. Внезапно улица содрогалась от безумного хрюканья, перерастающего в душераздирающий визг, или от протяжного заунывного стона соседской телочки. В такие минуты малыши лезли под кровать

и зажимали уши.

В нашей многодетной семье непонятным и страшным делом заниматься было некому. Отец служил в лесничестве; мама, когда сердилась, называла его лешим. Летом сосновый бор от пожаров охранял, весной и осенью с саженцами в питомнике возился. Ну а зимой книжки умные нам читал, тетради проверял, в дневниках расписывался. Хозяйство на маме лежало. Однажды она перекрестилась и решила зарубить старого буянистого петуха. Задира уже всех достал, во двор не выйти, на почтальонку налетал, словно неистовый огненный шар. Мы, малышня, побежали «помогать». Обезглавленный петух, помнится, вывернулся из дрожащих рук хозяйки и, фонтанируя кровью, принялся бешено, кругами, носиться вокруг нас, пока не упал замертво.

Наваристую петушину лапшу вечером никто не ел. Сидели насупившись, голодные.

Хоть сало уцелело

Возможность попробовать настоящие пельмени появилась, когда я уже классе в пятом училась. Старшая сестра Лидия, красавица, умница и комсомолка, решив стать ткачихой, поехала в Иваново. Там она и познакомилась со своим будущим мужем. Поговаривали, что тогда для выравнивания демографического перекоса, когда «на десять девчонок» приходилось «по статистике девять ребят», специально вблизи города невест воинская часть квартировала.

Сестра повезла жениха-прапорщика на Урал знакомиться с будущей родней. Накануне их приезда мама купила у соседей немного сала и кусочек говядины. Налепила пельменей, присыпала слегка мукой и отнесла в чулан морозиться. Я за вечер несколько раз выбегала, чтобы на них полюбоваться, надеялась, что и мне дадут (неприменно дадут, а как же иначе) попробовать. Утром, едва проснувшись, снова заглянула в чулан и... остолбенела! Пельмешки – все до единого! – оказались искусаны мышами. Причем, так аккуратненько, изящно искусаны, что края-защипы являли собой необыкновенный причудливый узор. До самого фарша бессовестные твари из отряда грызунов не добрались, но следы своего мерзкого присутствия оставили повсюду. А вот сало уцелело...

Короче, не довелось мне тогда попробовать настоящих

пельмешек. Даже не знаю, куда они, изгрызенные, подевались. Будущий зять (ведь так называется муж сестры по отношению к ее близким родственникам?), помнится, знакомясь с опечаленной свояченицей, то есть, со мной, удивленно произнес: «Ну, шо ты такая сердитая? Надутая, словно серенькая мыша на крупу».

Мишка-Мишка, где твоя сберкнижка?..

Когда школу окончила и стала работать, меня пригласили на проводины. Уходил служить в армию Миша Смирнов, хороший скромный паренек. Как бы мой кузин... Поясню. Миша – сын тети Шуры, тоже очень скромной и доброй женщины. Тетю Шуру когда-то «вместе с дитем» взял замуж дядя Ваня – мамин брат. Считалось, что мы с Мишей не просто одноклассники, но и близкие родственники.

Жили они в заросшей черемухой деревеньке со смешным названием Дойная километрах в десяти от нашего села. Проводы получились великолепными! Столько вкусенького наготовили: холодец, пироги, соленья разные, а еще сладенькую, но головокружительную малиновую настойку. Тетя Шура то блинчики ко мне поддвигала, то винегрет. Я и на то налегала, и на это: когда ж еще посчастливится так вкусно, от души, поесть? Но вот на стол поставили огромную миску благоухающих горячих пельменей...

Нет, вы даже не представляете, как это было обидно: в меня тогда уже ни один пельмень не влез!

А потом мы, очень сытые, слегка пьяные, толпой отправились в клуб. До этого никогда не замечала, что ночь может быть такой звездной, таинственной и грустной. Шли по деревне и пели: «Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная за-

дора и огня?»

К сожалению, через какое-то время туповатые острословы эту славную песенку испохабили на свой лад: «Мишка, Мишка, где твоя сберкнижка?»

Вопрос про опорос

А вскоре у меня появился жених. Март. Весело и тревожно капали сосульки с крыш. И как-то так все стремительно завертелось-закружилось-понеслось, что вот уже мы мчимся на двухколесном «Иж Юпитере» (туда и обратно – 200 км) к его родителям – надо же меня показать! А дорога, помнится, словно квашня, комки грязи из-под колес, ледяной ветер слепит глаза и безжалостно ломает прическу. Понятно, когда добрались, от моей юной привлекательности и обаятельности не осталось и следа. Будущая свекровь, высокая, дородная, словно с плаката сошедшая, увидев невесту, такую жалкую, грязную и тощую, горько заплакала.

Плакала она от того, что не могла понять, ну как такая «серая мышь» смогла охомутать ее великолепного, необычайного, чудесного мальчика. Действительно, мы были не пара. Семья жениха оказалась ну о-о-очень зажиточной, сейчас бы сказали – крутой. У моей потенциальной свекрови, заслуженной свинарки, даже трудовой орден имелся. Работала она на ферме, конечно же, не простой, а племенной, показательной. Будущий свекор (скромная половинка своей орденосной жены, если рассматривать в весовой категории) с важностью профи, терпеливо и с удовольствием разъяснил мне что к чему.

Значит так... Хрюшка опоросилась; а в опорос случается

аж до 12 малышей, но в среднем все-таки 6—8. Все нормальные, веселенькие, лишь один, как говорится, рылом не вышел. Пятачок набекрень, ухо раздвоенное, ножки вывернутые, а то еще какая-то неожиданность. Так вот, здоровый приплод холят-лелеют, взвешивают, витаминчики дают. То есть, готовят на племя, для воспроизводства себе подобных. Ну а хилых, дефективных, даже если дефект незначительный, выбраковывают.

Эта «отбраковка», помнится, томилась на плите, смачно булькая, кусками нежного молочного мяса, прела в огромной кастрюле беззащитными хвостиками и ушами.

Меня тут же усадили лепить пельмени. Их требовалось много: на всю большую образцово-плакатную семью. Все здесь, кроме хозяина, были видными-завидными, кровь с молоком. Чувствовалась порода, так ведь и кушали хорошо. Но учились, как выяснилось позднее, плоховатенько, книжек не читали. Лепильщица (лепилка, лепеха, лепешка... ну, как правильно-то, подскажите!) Короче, стряпуха получилась из меня никудышная, хотя я очень-очень старалась. И терпение было, и вдохновение, а главное – желание угодить, да вот сноровка отсутствовала. Пельмешки поначалу выходили неказистыми, кривобокими, похожими на свиных уши и вообще на что-то непотребное. Когда заслуженная свинарка, вернувшись из свинарника, глянула на сварганенное мной, она задумчиво и очень ласково произнесла: «Да, голова – не жопа...». Ну вот как это понять: то ли по-

хвалила, то ли наоборот?

Но, как говорится, если долго мучиться, что-нибудь получится. Мало-помалу мои страдания возымели успех: я еще такой проворной оказалась! Уже на второй день пельмешки выпархивали из-под моих ловких рук похожими то на маленьких аккуратных птичек, то вообще на нежные розочки.

А вот какими они получились на вкус, не знаю. Думаю, превосходными. Пока посуду мыла, затирала полы, настало время уезжать. Попробовать не успела.

Эй, неудачники, ликуйте!

Душу отвела (вот кто о чем, а я снова – о них, о родимых), заканчивая университет. В студенческой столовой в ту пору фирменным блюдом считалась отварная курица с гарниром. Ну с макаронами и кашей, едой любимой нашей, все ясно, здесь трудно что-либо напортачить. А вот курицы, судя по тому, что оказывалось в тарелках, являли собой нечто невообразимое: одни гузки, шейки и хребет. Ни бедрышек, ни крылышек у бедных птичек не наблюдалось. И вот в этот грустноватый, холодноватый и голодноватый период один из однокурсников наткнулся на недорогую пельменную. «Эй, неудачники, ликуйте! Это место – самое восхитительное из того, что когда-либо видели глаза мои!» Славка произнес это с таким счастливым изумлением, будто Америку открыл.

У нас на заочном тогда учились солидные ребята, работающие в солидных изданиях, а один даже – в обкоме. Они жили в приличных гостиницах и кушали в приличных ресторанах. Приезжали на сессию и успешные девочки успешных родителей с нефтяного севера. Одна из них сказала: «Фи, какая дешевка, это даже не кафе, а столовая для рабочих и крестьян. Я туда не пойду!»

Но многие пошли, побежали даже... Действительно, это оказалась банальная общепитовская точка, забегалов-

ка. Ждать приходилось долго, полчаса, а то и больше. Очередь порой занимали на улице, потом, шаг за шагом, по скрипучей лестнице в заиндивелом подъезде приближались к теплу и домашним запахам. В ожидании терпеливо томились интеллигентные бюджетники, уткнувшиеся простуженными носами в свежий номер «Уральского рабочего», и озабоченные шумливые заочники. Маялись спросонья, видать, только что с поезда, унылые сонные командировочные и тряслись от холода (а холода на Урале знатные!) лохматые грязноватые личности...

Когда счастливики наконец-то вваливались в зал и с подносами выстраивались вдоль стойки, видно было, как там, на кухне, за большим столом три простенькие «Маши с Уралмаша» ловко орудуют скалками, слышно даже, как оживленно они при этом шушукаются.

– Пожалуйста, две порции! – Раздатчица не удивляется моим запросам, насыпает пельменей «с горкой». – И два томатного!...

Сок – в граненых стеклянных стаканах. Подносы – алюминиевые. Столы и стулья – пластмассовые. Недорого... Но пельмени, действительно, оказались чудо как хороши! Столько лет прошло, а до сих пор помнится: тесто крутое, но раскатано тонюсенько, аж начинка просвечивает. Края словно щипчиками прихвачены, чтоб при варке не распозались, поэтому фарш внутри – сочный, нежный, волшебно вкусный, ну словно мидия, запеченная в ракушке. Хотя ми-

дий в те годы мы не видали и уж тем более не едали, но ведь пофантазировать-то можно.

Согласна, две порции, конечно же, перебор. Так я столько никогда и не съедала. И не потому, что не лезло. Дело в другом. Когда за соседним столиком чрезвычайно скромно (горячий чай + несколько кусков черного хлеба) трапезничает бомжик или просто озябший проголодавшийся старик, с тоскливой надеждой присматриваясь к твоей тарелке, аппетит не то чтобы улетучивается... Просто стыдно почему-то становится, жарко и душно. Делаешь вид, что сыта уже по горло. Тяжело вздыхаешь, оханьки, мол, пожадничала и вот, видите ли, сколько осталось! Осторожно отодвигаешь половину на край тарелки и торопливо допиваешь свой сок...

Однажды после экзамена мы рискнули раскошелиться и толпой ринулись не в забегаловку, а в настоящий ресторан. Он так и назывался «Уральские пельмени» и тоже был в двух шагах от универа. Белые скатерти, вездесущий, но неслышимый, словно фантом, официант, меню в кожаном переплете, фужеры... Все чин чином, по-взрослому. Ассортимент был ну очень и очень! Мы ахали и охали, выбирая. Я заказала порцию «Дружба», название понравилось. И вот приносят огромное блюдо. Вроде бы, ничего удивительного, как у всех. Но пельмешки-то оказались с секретом: каждый с особенной начинкой. С грибами, капустой, рыбой... С курицей, олениной, свиной... А еще с редькой, морковкой,

творогом... И даже с репой... И еще с чем-то... И еще...
Представляете: ни одного повтора!

Без альтернативы

Сознаюсь, за свою жизнь, промелькнувшую словно безостановочный экспресс, немало я пельмешек-то отведала. Иногда и покупными не брезгую. Сейчас в продаже каких только нет: «Царские», «Пионерские», «На троих» и так далее. В Германии, например, на заводах специальные линии монтируют по производству русских пельменей. На пакетах с заморозкой этакой завлекалочкой советская символика. Пробовала: съедобно, санитарные нормы гарантированы, но знаете, чего там не хватает? Не удивляйтесь только: не хватает главного – сакрального смысла! Ведь заводские замороженные катышки с серым слипшимся комочком внутри – это жалкое подобие, злая насмешка и просто издевательство над настоящими домашними изделиями. Теми, что лепятся вручную на радость близким и себе. В дом с которыми приходит праздник и благодать, а в душе оживает надежда. И альтернативы домашним пельменям НЕ СУЩЕСТВУЕТ!!!

Если быстряпухам присваивали звания, я бы уже профессором была. Или доктором пельменных наук, ну уж кандидатом-то точно! Это блюдо у меня получается бесподобным, обалденным, удивительным и восхитительным, на вид прекрасным и просто классными! Ешь – за уши не оттянуть! Вот такого я высокого мнения о своем пельменотворчестве. Ну

надо же хоть в чем-то преуспеть. Рецептик? Но ведь не кулинарная книга пишется, правда? Хотя... Есть несколько правил, которыми, так уж быть (по секрету всему свету) могу поделиться.

Главное, не стоит начинать стяпню, если ты в плохом настроении, с бухты-барухты и перед самым приходом гостей. Дело это сокровенное, не терпящее суеты. В спешке да без вдохновения ничего не получится. Думать надо исключительно о приятном, можно даже помечтать, что-то загадать на будущее.

И еще одно удивительное совпадение. Когда затеваю пельмени, в моей жизни обязательно происходит какое-нибудь маленькое чудо или случается нечаянная радость. Хотя в магию не верю.

О «страусах» и «ножках Буша»

Ну а поднаторела я в пельменном вопросе в тот самый незабвенный исторический период, когда весь простой люд учился выживать в условиях перестройки. Учился приспособливаться, выдумывать, экономить, творить и, как невесело шутили, из... (из того самого, что зовется полезной органикой) делать конфетку. Я даже благодарна тем дефицитным, голодным, безденежным, революционным временам за бесплатные уроки по выживаемости.

Однажды зашла с ребенком в гастроном и ребенок мой изумленно воскликнул: «Посмотри, мама, сколько страусов завезли!» Но это были обыкновенные, но очень тощие куры, в перьях, с длинными-предлинными, действительно, похожими на страусиные шеями. Я тогда купила лохматую курочку и дома тщательно поработала над ней. В итоге получилось 2 кг костей и 0,5 кг фарша. Зато из фарша получился целый кг изумительной продукции! И с того самого момента моя семья прочно подседа на деликатные куриные пельмешки.

Когда «страусы» в магазинах закончились, други-недрузи атаковали нас «ножками Буша». Кто ж тогда подозревал, что это настоящие бомбы калорий замедленного действия? Кто ж догадывался, что птичек перед их отправкой за океан усиленно пичкали антибиотиками и анаболиками, чтобы

выглядели поздоровше да пожирнее. Окорочка, запеченные в духовке, оказались маняще румяны на вид, чесночно духовиты на нюх, а на вкус очень даже приятны и нежны. «Ножки Буша» закупались и поглощались ящиками!

Обычно перед выходными я размораживала с десяток окорочков, сдирала с них желтую лоснящуюся шкуру. Да-да, не кожицу, а настоящую шкуру. Слава богу, хватало ума выкидывать ее, а не делать шкварки-поджарки. Затем упругое филе отдирали от крепких, словно индюшачьи, косточек и прокручивала на мясорубке, доставшейся по талону. Фарш получался воздушным и таким аппетитным, что хоть бери ложку и сырым ешь. Детки спали. За окном крепчал мороз или пурга бесилась. А иногда мороз и пурга зверствовали одновременно, зато в маленькой кухоньке было тепло и уютно. Пельмешки, поднос за подносом, выставлялись на балкон, где мигом задубевали, превращаясь в ледяные комочки. В таком жалком виде они напоминали синичек, погибших от стужи на лету. Такая вот порой возникала щемящая ассоциация.

И все-таки, когда в холодильнике появлялся запас пельменей, я чувствовала себя счастливой! Действительно, много ли надо простой русской женщине для счастья... Однажды засиделась до утра и увидела, как на подоконнике воскресает орхидея. Вроде бы ничто не предвещало сюрприза, ну торчали себе унылые стебельки из горшка, я уже выкинуть собиралась. И вдруг вопреки законам природы и здра-

вому смыслу что-то там проснулось, потянулось, проклюнулось и неторопливо так, но с чувством собственного достоинства распустилось белыми в лиловых прожилках лепесточками.

Вот здесь кое-кто из читателей постарается уличить меня в художественном вымысле. Уж слишком по-книжному, слишком невероятно красиво получается про капризную своенравную орхидею. И окажется не прав. Клянусь: все было именно так, а не иначе! И случилось это чудо в ночь перед православным Рождеством накануне миллениума.

А-ля рюс

Флавия звонким щелчком изящных пальчиков сбрасывает пепел от сигареты прямо на розовый ковер, который я только что пылесосила. Комната больше похожа на будуар куклы Барби, чем на опочивальню почтенной синьоры. Кругом – мишки, зайки и фарфоровые куколки. Коллекционные, конечно.

– Представляешь, а у меня сегодня убирает русская. Между прочим, с высшим образованием! – Произносит она таким важным тоном, будто пылесосить к ней приехала сама... ну, предположим, Анастасия Волочкова. Разговаривает Флавия со своим «компанию», то есть приятелем. Они еще что-то возбужденно обсуждают, а затем хозяйка приглашает меня в бар. Решила угостить кофе-латте с круассаном. Кстати, мне с работодательницей повезло, она неплохо говорит по-русски. За столиком начинает «пытать»:

– А ты, действительно, русская? Русская – русская или наполовину? Что значит «родом с Урала»? Ах, местечко такое. Да, вспомнила, это рядом с Сибирью. Я ведь туристка, по России дважды куролесила, из Байкала воду пила... А ты пельмени умеешь делать – настоящие, под водочку?

Вообще-то итальянцы водку не пьют, разве что по чуть-чуть, ради экзотики. Но, оказывается, у Стефано, дружка синьоры Флавии, появилась «восхитительная идея»: органи-

зовать ужин а-ля рюс! Что ж, с удовольствием помогу, мне это не трудно. Но итальянцы – они такие скрупулезные, сразу же начинается уточнение деталей. Все понятно: затевается не просто ужин, а помпезное мероприятие, которое потом долго будет вспоминаться, смаковаться, пересказываться.

– Итак, нам главное всех удивить, уж ты постарайся, – диктует свои условия Фабия. – Никакой свинины или говядины. Берем парную телятину! Ну, ты понимаешь, которая только-только по зеленому лужку гуляла и прыг к нам на стол. Мука нужна деликатная. Про специи (фу, гадость какая...) забудь. А остальное уже так легко и просто.

Стол сервировали тяжелыми серебряными приборами на пять персон. Кроме сердечного друга к Флавии пришла одна интересная пара: Гуидо с Масяней. Я думала, синьор с внучкой, но оказалось с женой. Масяня – девушка с островов, но ведет себя с большим достоинством, как настоящая синьора (их романтическая история заслуживает отдельного неторопливого рассказа).

Я, конечно же, волновалась. Но по тому, как усердно сидящие за столом заработали челюстями, решила: ужин удался! Кто бы сомневался... Правда, бальзамический уксус, за неимением в Италии простого, в качестве приправы вызвал дружное недоумение. К сметане тоже никто не притронулся. Зато обильно полили традиционное «уральско-сибирское» кушанье томатным соусом, щедро посыпали тертым пармиджано и все тщательно, с большим удовольствием пе-

ремешали. Сердце мое сжалось.

После насыщения началась познавательная дискуссия на тему, чем отличается «Руссо-Балтик» от «Белуги», а «Империя» от «Русского стандарта». Вон оно как, а я-то думала, что ничем, кроме цены и дизайна. Лестно стало, что непьющие (почти) крепких напитков итальянцы столь эрудированы в элитных марках российской водки. Даже загордилась немножечко. Но вот приступили к кулинарному «разбору полетов». Мои славные дивные изумительные пельмешки подверглись критике и остракизму. Придирчивые едоки сошлись во мнении, что русское блюдо, хоть и замечательно на вкус, но абсолютно «неправильное». Оказывается, телятину следовало предварительно отварить и дважды мелко-мелко прокрутить. Именно так когда-то делала мама Гуидо. И лук надо добавлять не сырой, а припущенный на оливковом масле первого отжима. Стефано не почувствовал в фарше вкуса шпината (травка такая) и сыра. А Масяне почему-то форма показалась... сексуальной.

Но тут слово взяла добрая справедливая Флавия. Она заявила, что кому угощение не нравится, пусть отправляется в супермаркет и покупает обыкновенные равиоли. Еще добавила, что русские пельмени не бывают «неправильными», просто водки бывает мало выпито. И подлила гостям еще.

– Не стоит переживать, – успокаивала меня синьора, когда довольные сытые гости разошлись, а я осталась, чтобы помочь разобраться с остатками пиршества. – В следующий раз

мы обязательно всех удивим. Например, приготовим борщ – настоящий, ядреный как сибирский мороз! Только без чеснока, пожалуйста, без перца и без квашеной капусты. Ну можно брокколи туда бросить, «звездочек» вместо картошки. Сметану покупать не надо, мы же не торт готовим. И, разумеется, никаких свиных косточек для бульона. Закажем у мясника нежного ягненка! Да, еще очень важный момент: без барбабьетоны! Моя мама никогда ее не кушала.

И вот тогда мне стало не по себе. Я даже испугалась и решила категорически возразить Флавии.

– Ну, что Вы, синьора, говорите! Без свеклы «ядреный борщ» не получится, не стоит и заморачиваться. Я лучше блинов напеку. Блинами удивлять будем!

Но дело, разумеется, не в свекле, без которой борщ – не борщ, а сплошное недоразумение. И не в «звездочках» – это такие крошечные макаронки, которые в данном конкретном случае ни к селу ни к городу. Просто мне почему-то очень жаль стало несчастного глупого ягненка.

Постскриптум

Ну вот, расписалась однако... Тоже захотелось вкусненького. Давай, предлагаю дочери-студентке, приготовим что-нибудь этакое-растакое. Наше, родное.

– Здорово! – Подхватывает она мою идею. – Давно о пельмешках мечтаю. Но знаешь что... С чем угодно, только без «настоящего фарша».

И сварганили мы на обед пельмени со свежей капустой. С уксусом и со сметаной. Совсем, как в моем детстве.

Просто ангел

Вера проснулась от собственного смеха.

Не истеричного, как у капризных, знающих себе цену женщин, которых недооценили или наоборот переоценили. Не сексуального, как у очень темпераментных барышень (и Мопассана читали, и Бунина, а как же...).

Его даже веселым или просто радостным нельзя было назвать.

Это был тихий счастливый смех молодой (ну, не слишком уж молодой, но все же), довольной собой женщины. В тот день, то есть 13 сентября 1978 года, среда, ровно в 16.00 у нее родился ангел. Крошечный – 2кг. 900 г, голубенький, с обмотанной вокруг тельца пуповиной. Он так, бедненький, старался...

Потом их разлучили. Дите, обмыв прямо под краном и завернув в больничную пеленку, утащили в детское отделение. Истерзанную мамашу на каталке отвезли в послеродовую палату. И тут она моментально вырубилась. Забылась в мягкой обволакивающей дреме всего на часик, но сон оказался таким глубоким и безмятежным, что и этого хватило, очнувшись, почувствовать себя на седьмом небе.

Она смеялась. Она так изумительно смеялась! Ну, скажите, отчего бы это?.. Да просто накатила на Веру во сне волна какой-то неземной легкости и благодати. Вспыхнуло

озарение, осветив не только промозглый день бабьей осени, но и всю ее жизнь. Жизнь сегодняшнюю и завтрашнюю. Ну а вчерашней, без ангелочка-то, уже как бы и не существовало.

Заглянула нянечка: все ли в порядке? Вера ответила, что ужасно есть хочется! Из коридора тянуло божественным ароматом пшенной каши с мясной подливкой. Но ей в ужине отказали. Сама, мол, виновата: поздно разродилась. Даже хлеба не дали – не положено и точка! У Веры не было ни сил, ни желания возмущаться и требовать ну хотя бы кусочек... Ближе к полночи привезли еще одну роженицу. У той, предусмотрительной, оказался пакет с продуктами. Она протянула Вере пачку печенья «Юбилейное» и большое зеленое яблоко.

Утром в палате было уже пять обессиленных, но довольных судьбой мамаш. После обеда принесли малышей в тугих белых коконах, щечки словно у хомячков. Вере протянули самый миниатюрный сверток. Ребеночек спал: черные реснички на пол-лица, кожа такая нежная, аж светится. Впрочем, у всех родились милые здоровые детки, но ангелочек, без сомнения, был только у ней – у Веры!

Девочку она назвала редким, старомодным именем Ангелина. Можно еще Гелей называть или Линой. Но правильнее всего – просто Ангел...

Встречала их при выписке сестра Майя. Специально за двести километров приехала, бросив хозяйство на своих

мужиков. У Маечки был муж и два сына-подростка. У Веры – только Ангелочек. Сестра привезла пышные батоны белого хлеба, трехлитровую банку сливок, семена, чтоб укропную водичку запаривать и малышку поить (от колик помогает) и еще много чего полезного. Помогла – спасибо ей! – но извела советами. Мол, кормить дите строго по часам надо. Ночью не вставать, если завозится. Не вставать, даже если заплачет. И вообще главное в воспитании – режим...

У неопытной Веры так не получалось. Она оказалась суматошной мамашей, подскакивала в постели, казалось бы, даже от шороха ресниц. Иногда ей мерещилось, что при родах забыли перерезать пуповину и они с Ангелочком до сих пор одно целое, что у них даже бьется одно сердце на двоих. А тут еще возникла проблема с кормлением. Девочка вялая, грудь деликатно брала. Чмок-чмок с ленцой и заснула... Да и Вера поначалу не шибко молочной была. Чтоб малышка не голодала, она ее сутками с рук не спускала, держала к груди поближе. Дите проснется, ресничками похлопает, разинет ротик словно птичка, а тут – нате, пожалуйста! – все условия.

Месяцам к шести мордочка у дочки округлилась, порозовела, а сама Вера хоть высыпаться начала. В ясельки кроху жаль отдавать, решила оставлять с няней. Из нескольких кандидатур такую выбрала: женщина-инвалидка с одной рукой. Предусмотрительно дома у нее побывала, отметила: чистенько живет, но бедновато. Такая расстарается даже за мизерную плату. И не ошиблась...

Работала (закон для кормящих матерей позволял это) полдня. Домой неслась ног не чуя, чуя только сильные приливы молока. Зачастую оно обильно пропитывало не только сатиновый лифчик, но и нейлоновую блузку, и трикотажный свитерок-самовязку. Одежда становилась как накрахмаленная, колом топорщилась... Дома Ангелочек, не дав переодеться, буквально перелетала от няни в материнские объятия и хватала, жадно впиваясь, горячую напрягшуюся грудь.

Потом все-таки в ясли пришлось оформлять. Экономнее, но, боже, какой стресс! Малышка не желала отлипнуть от матери, орала так горько и отчаянно, цеплялась так судорожно и больно, хоть тоже вой. Вера всегда старалась забрать ее пораньше. Придет, присядет в раздевалке на скамеечку. Ангелочек словно чувствует – молнией вылетает из игровой комнаты, лезет к матери на коленки и хозяйским жестом рвет пуговички на блузке.

– Ай-ай-ай! Такая большая девочка, – стыдила ее тетя Света, мама толстенького неуклюжего Паши.

Ангел лишь крепче обхватывала грудь («мое!!!»), зарывалась в нее, но одним глазком, сердито, с торжествующим любопытством следила за окружающими. Два года ведь уже было...

Ну а потом легче стало. Девочка славненькой росла, некапризной, улыбчивой. «Мамин хвостик», – говорили про нее взрослые. Иногда солнышком называли, но чаще всего по имени – Ангелочком. К самостоятельности быстро при-

училась, в садик «Ласковый Миша» (его во дворе их дома к Олимпиаде построили) уже одна ходила. С семи лет и за хлебом в магазин носилась, и супчик себе разогреть могла.

Вера со временем успокоилась, даже строгой стала. Дочку воспитывала без поцелуйчиков, «ми-ми-ми» и прочих «соплей в шоколаде». Но была в их отношениях особенность, даже странность одна, которая не давала Вере покоя, пугала и мучала. Стоило им ненадолго расстаться, тут же какая-нибудь дребедень приключалась... Сначала Вера сомневалась: мало ли что в жизни бывает, может случайность? Но вскоре забеспокоилась: неприятности, одна за другой, следовали с настораживающей закономерностью. Ну, например, едет девочка со своей садиковской группой на дачу. Кстати, в их северном городке считалось престижным отправить ребенка месячишка на два на юг для оздоровления. Возвращается Ангелочек – голова в грязных бинтах.

– Ох, ах! – Произносят воспитатели, подавая мамаше из вагона забинтованное дитя. – У девочки лимфы на шейке воспалились, операцию ей сделали. Мы и сообщить Вам об этом не успели, да и зачем расстраивать.

У Веры тогда дар речи пропал и в тот же день сосуды в глазах полопались...

Когда Ангела рядом не было, она какая-то бледная, рассеянная ходила. Незащищенная. То деньги потеряет, то документы, однажды чуть под машину не попала. Если вместе –

все у них ладушки, можно даже сказать – в ажуре.

Девочка росла, умнела, хорошела. Ангелочек с наивными глазами небесного цвета (хлоп-хлоп ресничками) превратилась наконец в статную девушку, скромную, добрую, услужливую. Слегка старомодную. Про таких еще говорят: «Девушка из других времен» или «Тургеневская девушка». Но случилось и такое!.. Да, есть что вспомнить, чтобы вздрогнуть...

Самая первая оценка, которую она получила, была... То есть был... кол по поведению. Вера-то свою дочку в первый класс с пяти лет отдала. Класс экспериментальный, при детском саду. Всю старшую группу хором туда записали. Увидев в дневнике первоклашки «такой кошмар», начала осторожно выпрашивать: ЗА ЧТО? Оказалось, куколок на уроке рисовала.

– Ну что Вы так переживаете! – Удивилась учительница, когда разгневанная родительница явилась с ней с претензиями. – Ничего страшного не произошло. Девочка исправится и получит хорошую оценку.

Но Вера так не считала. Она ведь не совсем безграмотная лохушка. В конце дневника записаны правила поведения школьника. Так вот, кол ставится в самом исключительном случае. Когда, например, ребенку колония для несовершеннолетних грозит. За рисование куколок в колонию не отправляют. Логично... Вера пошла жаловаться в горно. Вообще-то она персона не конфликтная, избегает острых углов,

а тут надо же как осмелела!

...Да, еще был стресс. Дочка тогда в пятый перешла. Заболела, обыкновенная простуда, но пришлось обращаться к врачу, сдавать анализы. Анализы оказались плохими. Начали обследование, выявилась куча симптомов непонятно чего, но чего-то тревожного. Вера запаниковала. Детский ортопед посоветовала везти ребенка на радоновый курорт. Путевка стоила баснословно, но что такое – женщина в панике? Тут же насобирали нужную сумму (сестра одолжила, позанимала у коллег) и вот она, чудотворная южная здравница! Да только, оказалось, зря приехали: в радоновых процедурах им отказали, сославшись, якобы, на какое-то противопоказание... Они даже в море не искупались. Кто ж в марте купается? И поселили их тогда не в основном престижном корпусе с лепными потолками и портретами вождей в золоченных рамах, а в летнем домике, где они простыли и вернулись из здравницы домой кашляющими и в соплях.

Год был високосный, полный разочарований. Девочке уже инвалидность пророчили. Но вновь сдали анализы и... все оказалось в норме. УЗИ тоже ничего тревожного не высветило. Видимо, на фоне подросткового возраста произошел какой-то гормональный всплеск. Да, и такое случается...

А еще Верину дочку не хотели принимать в девятый класс. Класс набирали профильный – математический. «У девочки склонность к гуманитарным наукам, – пыталась объяснить Вере математичка. – Ей трудно будет». Но Ан-

гел не хотела переходить в другую школу: далеко, неинтересно, да и подружек там нет. Короче, решили не связываться со «скандальной мамашей», оставили девочку в покое. Кстати, все экзамены по точным наукам на аттестат зрелости она на хорошо и отлично сдала. Но в университет все-таки на «языки» поступала.

Поступать поехала в краевой центр. 24 часа на поезде – да это ж по российским меркам рядышком! Даже в общежитие сама устроилась. Для Веры настал звездный час. По такому случаю она «Медовик» для сослуживцев испекла: «Моя дочь – студентка! Самостоятельный человек... Счастье-то какое!» Да, грустно, что осталась одна, но грусть эта светлая, позитивная.

Не прошло и месяца, как Ангел вернулась домой. С винноватыми припухшими глазами, будто долго плакала. Объяснила: «Не могу жить в общеае. И о тебе постоянно думаю. Снится в сне, домой зовешь... Я на заочный перевелась».

Работу она быстро нашла – прачкой в «Ласковом Мише». Зарплата смешная, зато времени для подготовки к сессиям полно. А дома-то как хорошо, как тепло, уютно и спокойно. Квартира однокомнатная, но у каждой имелось свое личное пространство. Повезло: кухня просторная. Сюда втиснули не только прабабушкину ножную машинку «Зингер» и черно-белый телевизор, но и раскладной диванчик «Наташа». Кстати, диванчик у них был особенный. К примеру, в субботу забеаает к Вере «на минуточку» ее подружка Оле-

ся, учительница английского языка.

– Я у вас передохну минуточку и домой...

Присаживается на диванчик и тут же засыпает. Проснется, встрепенется, чайку выпьет с брусничным вареньем, «Угадай мелодию» посмотрит. Иногда даже сама что-нибудь споет, например, «Напилася я пьяна, не дойду я до дому...». Олеся – женщина утонченная, но почему-то песни любила такие...

Еще одна подружка – Тоня, жена большого начальника. Очень простая, скромная, тихая. Зайдет иногда, слезы по щекам катятся:

– Можно на вашем диванчике посижу? Давление зашкаливает: 240 на 120...

Вера подушку ей принесет, крестиком вышитую, грелку горячую в ноги. Гостья примостится уютненько и захрапывает... часика этак на полтора. Проснется, включит тонометр: а давление-то в норме!

А вот у Ангела подружек не было. После школы разлетелись ее одноклассницы по большим городам, а некоторые замуж сразу выскочили. На дискотеки девушка не ходила – стеснялась, не умела танцевать, в «Ласковом Мише» – теньки одни. Да и зачем ей кто-то, когда мама рядом есть? Мама по вечерам вяжет или перешивает что-то, по выходным пирожки печет. Но у дочки пирожки еще пышнее получаются. Такая выросла заботливая хозяйственная девочка, скромняшка и обаяшка! Соседи умилялись, коллеги за-

видовали: семейная идиллия и только! А Веру начал червь сомнения точить. Назойливый, противный такой червячок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.